

22 июня

Площадь Гриммо, номер двенадцать. «Мрачное старое место», как всегда называл его Джеймс. Сириус предпочитал думать о нем как о Доме Ужасов.

Во всяком случае, даже в середине солнечного летнего дня место выглядело устрашающе. Это был дом, в котором он чувствовал себя в ловушке. Дом, где жили люди, которых он презирал больше всего в этом мире, пили чай и готовили убийство магглорожденных. Дом, где он видел, как его младший брат стал таким же, как все остальные, извращенным ублюдком-садистом, как и те, что его родили. Он никогда не думал, что ему придется вернуться сюда. От этой мысли у него внутри все свело.

Сознание того, что Рег мертв, снова терзало его, но теперь оно сдерживалось чем-то другим — он не назвал бы это гордостью, для этого все еще было слишком много вины. Возможно, просто ненависть в нем уменьшилась; в конце концов, у его глупого брата была совесть, и он пытался свергнуть Риддла. Почему он не пришел ко мне? Сириус задумался, наверное, в миллионный раз с тех пор, как узнал правду две недели назад. Он бы помог, сделал бы все, что мог. Он знал, что бесполезно задавать вопросы мертвым, но это не остановило мысль, снова пробежавшую в его голове — почему он не пришел ко мне?

Сириус был спрятан в тени автомобиля, припаркованного у дома номер одиннадцать. Конечно, он мог видеть номер двенадцать; его семья, возможно, и отреклась от него, но они не могли стереть его кровь. Он сидел на дороге в тени этой машины почти два часа, ожидая, пока мать выйдет из дома. Он знал, что лучшим шансом для него будет поговорить с дедушкой Поллуксом наедине.

Вплоть до той ночи, когда он сбежал, Поллукс все еще относился к нему как к внуку — забота о нем была непростой обязанностью, но он, тем не менее, заботился о нем не меньше. Когда Сириуса распределили в Гриффиндор, именно Поллукс уговорил его мать и заставил ее прекратить посылать Сириусу за завтраком ревунов. Он также был тем, кто, когда Сириус попросил его остаться в школе на каникулы, убедил Вальбургу позволить ему. И только когда Сириус в последний раз покинул дом, когда ему было шестнадцать, Поллукс наконец отвернулся от него.

Сириус, погруженный в свои мысли, чуть не упустил момент, которого ждал; Тяжелая дверь дома номер двенадцать открылась, и на верхней ступеньке показалась высокая ведьма в темно-синих одеждах, ее черные волосы были собраны в строгий пучок, прикрытый маленькой шапочкой. Она повернулась на месте и исчезла.

— До свидания, мама, — пробормотал Сириус.

Он поднялся на ноги, окоченевший после долгого пребывания на корточках. Колени действительно не должны так сильно болеть у человека, которому только что исполнилось двадцать два года, подумал он, осторожно разгибая ноги. Обогнув машину и подойдя к воротам дома номер двенадцать, Сириус глубоко вздохнул. Он знал, что скажет, и это будет очень

трудно.

Он подумал о долгом пребывании в Азкабана, с которым ему придется столкнуться, о смерти своего друга и об ужасной жизни, которую придется прожить Гарри, если он ошибется. Медленно выдохнув, он понял, что убедить свою отвратительную семью в том, что он раскаивается, — ничто по сравнению со всем этим. Но это не означало, что он был нетерпелив. Его ноги без усилий совести донесли его до входной двери, он был настолько сосредоточен на будущем, которое пытался предотвратить, что с удивлением обнаружил, что его кулак поднят и готов постучать. Сириус громко постучал в дверь, и пока он ждал, его нервы накалились. Его разум был подобен поцарапанной пластинке; Джеймс и Лили... Азкабан... Джеймс и Лили... Азкабан... Джеймс и Лили... Азкабан... Сириус был рад повторению, оно отвлекало его от поспешного отступления, которому он с трудом сопротивлялся.

Щелчок внутренних замков оповестил, что кто-то открыл дверь, и она оторвалась от рамы лишь на мгновение.

Из темного дома донесся каркающий голос домашнего эльфа Кричера: «Предатель крови», — произнес он с упреком. Зная, что он сделал с Кричером, Сириус обнаружил, что не ненавидит этот звук так сильно, как думал.

— Кричер, — сказал Сириус, — я здесь, чтобы выразить соболезнования в связи со смертью Регулуса. В щели появилось иссохшее лицо Кричера, одно длинное ухо высунулось из щели ровно настолько, чтобы поймать дневной свет на ступеньку. — Я хочу поговорить с дедушкой Поллуксом. — твердо добавил Сириус.

Эльф оглянулся через плечо на дом, прежде чем снова заговорить, его голос был хриплым, поскольку он говорил тихо: — Мастера Регулуса нет уже много лет. Почему ты придешь только сейчас?

Сириус не был готов убеждать слугу семьи в своих намерениях, но это была хорошая практика. — Я только что узнал — начал он тихо. — Мне жаль, Кричер, я знаю, что он был очень важен для тебя, — сказал Сириус, возможно, самым добрым голосом, который он когда-либо говорил в присутствии эльфа.

Выпуклые глаза Кричера расширились, и он выглядел более подозрительно из-за вежливости, чем из-за содержания. — Для него важны все хозяева и хозяйки Кричера - злобно пробормотал он.

— Я понимаю, Кричер. — сказал Сириус, впервые осознав, что горе, которое испытал эльф, возможно, было даже сложнее, чем его собственное. — Регулус всегда был добр к тебе. Я уверен, что ты очень скучаешь по нему.

Домовой эльф нахмурился, явно смущенный: — Кричеру нужно присматривать за домом. Он слишком занят, чтобы скучать.

Сириус колебался. Гермиона сказала, что им удастся привлечь Кричера на свою сторону, но, возможно, будет лучше подождать, пока семья поверит его истории о покаянии, а затем попробовать еще раз с эльфом.

— Да, ты всегда был хорошим эльфом. Семья прежде всего, верно, Кричер? Сириус улыбнулся.

— Да, мастер Сириус, — сказал эльф. Затем, охнув и с испуганным видом, он прижал руку ко рту. — Предатель крови подловил Кричера, — пробормотал он, сузив глаза над пальцами.

— Это не уловка, Кричер. Сириус настоял, почти забавляясь: — Я хочу поговорить с дедушкой. Я хочу выполнить свой долг наследника.

— Кричер спросит мастера Поллукса, желает ли он поговорить с Предателем крови, — он пристально посмотрел на Сириуса. — Предатель крови будет ждать здесь. Затем эльф плотно закрыл дверь перед лицом Сириуса.

Сириус ждал. Что, если Поллукс его не увидит? Тогда он напишет письмо; возможно, ему следовало сделать это в первую очередь. Честно говоря, ему было очень жаль, что Реджа не стало; он надеялся, что, увидев дедушку, он сможет использовать раскаяние в своих интересах.

Дверь снова открылась, на этот раз шире, резко распахнувшись внутрь. Поллукс стоял там, высокий и гордый, за его спиной виднелся темный, но внушительный вестибюль, а его возраст проявлялся лишь в небольшом растяжении его мантии на талии. Его волосы все еще были темными, хотя на висках виднелись серебряные пряди. В конце концов, ему было всего шестьдесят семь лет, для волшебника это был средний возраст.

— Сириус, — холодно сказал он.

— Дедушка, — ответил Сириус. Стоя прямо и принимая, он подумал, что это был скромный тон голоса. Джеймс и Лили... Азкабан, быстро подумал он. Все зависит от этого. — Я только что узнал о потере Регулуса. Я хочу принести соболезнования тебе и матери.

Наступила напряженная тишина, когда Поллукс встретился с ним взглядом. — Тебе не сказали?

— Нет, дедушка, от меня отреклись. Зачем матери мне говорить?

<http://tl.rulate.ru/book/105333/4482719>